

О КОМПОЗИЦИИ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ *МЕРТВЫЕ ДУШИ**

Е. В. Красикова **

Аннотация

Статья посвящена отдельным аспектам композиции поэмы Н. В. Гоголя *Мертвые души*. В первой части статьи анализируется построение сюжета, в котором выделяется три части, мотивируется их хронологическая перестановка, исследуется структура каждой части. Во второй – основное внимание уделяется приему генерализации, доминирующему среди сквозных, системообразующих композиционных приемов.

Ключевые слова: композиция, структура, прием генерализации

* 本文 2009 年 10 月 15 日到稿，2009 年 12 月 14 日審查通過。

** Доцент факультета славянских языков Государственного университета Чжэнчжи.

ABOUT COMPOSITION OF THE POEM BY N. V. GOGOL *DEAD SOULS**

E. V. Krasikova**

Abstract

The article is devoted to some aspects of composition of the poem by N. V. Gogol *Dead souls*.

The structure of plot is analyzed, chronological transposition is explained, and the structure of each part is investigated in the first part of the article. The basic attention is given to the device of generalization, dominating among other devices, in the second part.

Keywords: composition, structure, device of generalization

* Received: October 15, 2009; Accepted: December 14, 2009.

** Associate Professor, Department. of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University.

Поэме Н. В. Гоголя *Мертвые души* посвящены многочисленные научные исследования, среди них немалое место занимают работы по поэтике, в частности по композиции, произведения. Анализ композиции осуществляется, в основном, в двух направлениях: 1) исследование архитектоники¹; 2) выявление сквозных, системообразующих композиционных приемов.

Архитектоника *Мертвых душ* является многоуровневой. Соответственно ее можно рассматривать, во-первых, на уровне замысла (три тома по аналогии с *Божественной комедией*), однако, поскольку замысел не был осуществлен, результаты во многом носят гипотетический характер. Единственным реально существующим завершенным текстом является первый том, поэтому на втором уровне возможен анализ структуры этого тома в целом, а именно: выявление закономерностей чередования сюжетных эпизодов и отступлений, а также композиционная роль *Повести о капитане Копейкине*. Третий уровень исследования – композиция сюжета и принципы организации каждой части, выделенной в рамках сюжета.

В настоящей статье исследуются некоторые особенности архитектоники сюжета и один из сквозных композиционных приемов – прием генерализации².

Архитектоника сюжета.

Композиция сюжета трехчастна: первая часть (2-6 главы³) посвящена помещному дворянству; вторая (7-10 главы) – губернским чиновникам, третья (11 глава) формированию личности и жизненного пути Чичикова. Герои каждой части образуют относительно однотипные группы образов (в третьей части представлен один тип –

¹ Под архитектурой в данной статье понимается структурный аспект композиции – выявление составных частей, их взаимосвязи, мотивировки их последовательности.

² От глагола «генерализовать» – обобщать, распространять что-нибудь на другие явления, факты (толковый словарь русского языка Ушакова)

³ Первая глава выполняет функцию экспозиции.

Чичиков), которые отличаются друг от друга по совокупности устойчивых признаков:

1) способы приобретательства, 2) уклад жизни, 3) степень приспособляемости к новым обстоятельствам.

Поместное дворянство использует традиционные способы обогащения – труд крестьян. Уклад их жизни – натуральное хозяйство – неподвижен и очевидно не способен к развитию, а потому обречен, лишен исторической перспективы. Мир каждого помещика замкнут границами имения, и все новое, что проникает туда из внешнего мира, воспринимается ими в системе установившихся понятий и в соответствии с характером каждого. Все эти особенности в совокупности определяют композицию первой части, состоящей из пяти самостоятельных глав, сюжетно связанных лишь образом Чичикова, а также структуру отдельных глав. Она однотипна, но не тождественна. Гоголь избегает формальной монотонности повествования благодаря неожиданным поворотам сюжета, в котором чередуется задуманное с незапланированным (6). Однотипность структуры каждой главы определяется объектом изображения – замкнутым самодостаточным миром поместья. Благодаря использованию одинаковых композиционных приемов, каждый из которых от главы к главе наполняется новым содержанием, Гоголю удается создать образы диалектически соединяющие в себе общее и индивидуальное. Большинство приемов достаточно традиционно. Это описание деревни, усадьбы, экстерьера и интерьера дома, портрет хозяина, его окружение (семья, слуги), описание угощения, речевая характеристика.

Уникальным приемом, не имеющим аналогов в литературе, поскольку он непосредственно связан с сюжетом «Мертвых душ», является реакция помещиков на предложение Чичикова продать мертвые души. В этой реакции так же проявляется единство общего (тип мышления) и единичного (индивидуальный характер персонажа). Проанализируем этот прием по главам. Для Коробочки, Собакевича,

Плюшкина мертвые души – путь необычный, но, прежде всего, *товар*, наряду с пенькой, салом, медом и битой птицей. Иными словами, новое понятие полностью ассимилируется в привычной для них системе представлений. Об истинной сути его они даже не задумываются. Индивидуальное в их реакциях связано с особенностями характера каждого. «Крепколобая» Коробочка мучается сомнениям, как бы не продешевить: «Право не знаю», произнесла хозяйка с расстановкой. «Ведь я мертвых никогда не продавала»⁴; «Право, <...> лучше я маленько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам»⁵; «Право, я все не приберу, как мне лучше быть, лучше я вам пеньку продам»⁶.

«Кулак» Собакевич, отлично понявший, что покупателю очень нужен товар, «без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе» затевает торг, занимающий едва ли не треть главы. Плюшкин, не брезгующий в своей разорительной мелочности ни тряпкой, ни щепкой соглашается на предложение Чичикова, прося лишь «пристегнуть по две копейки».

Манилов души дарит, желая сделать приятное приятному человеку: «Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то с своей стороны я предаю их вам безынтересно...»⁷. Ноздрев, кутила, игрок, вообще отчаянно азартный человек, предлагает Чичикову обмен («... Я дам тебе шарманку и все сколько ни есть у меня мертвые души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей придачи.»)⁸ или игру («... хочешь метнем банчик. Я поставлю всех умерших на карту, шарманку тоже»)⁹. При всей внешней разнице реакций Манилова и Ноздрева объединяет то, что мертвые души вводятся в систему привычных представлений (подарок, возможный выигрыш).

⁴ Гоголь Н. В. Собрание сочинений, т. 5, Государственное издательство художественной литературы, М.: 1949, с.51

⁵ Там же, с. 53

⁶ Там же, с. 54

⁷ Там же, с. 36

⁸ Там же, с. 80

⁹ Там же, с. 81

Таким образом, общим в реакции всех помещиков является косность, стереотипность мышления, неспособного даже попытаться освоить суть нового явления. А это, в свою очередь говорит о том, что все они не в состоянии адаптироваться к новым обстоятельствам, а значит, этот тип по совокупности социально-исторических и психологических причин обречен.

Вторая часть «Мертвых душ» состоит из четырех глав, две из которых (УП и УШ) посвящены образу жизни и способам обогащения чиновников, две (IX и X) – сплетням и слухам о покупке Чичиковым мертвых душ, и, главным образом, реакции на это событие. Чиновники более отдалены от непосредственного производителя, способы их обогащения более разнообразные, гибкие. Здесь уже не один законный источник – жалованье, а множество подзаконных: казнокрадство, взятки, поборы с купечества. Обогащение представляет собой не слишком сложный, хорошо отлаженный механизм. В отличие от помещиков чиновники живут как бы одной большой семьей, ежедневно сталкиваясь в учреждениях, на обедах, балах, приемах. Этим и определяется композиция второй части, состоящей из ряда эпизодов с большим скоплением народа, в которых максимально полно отражены различные стороны жизни губернских чиновников (Чичиков в гражданской палате, обед у полицмейстера, бал у губернатора, собрание в доме полицмейстера).

Поэтому и реакция на мертвые души носит коллективный характер: в городе «образовались вдруг две противоположные партии: мужская и женская»¹⁰. Женская, оставив мертвые души в стороне, обсуждала подробности готовящегося Чичиковым похищения губернаторской дочери. Мужская полагала, что «...главный предмет, на который нужно обратить внимание, есть мертвые души, которые, впрочем, черт его знает, что значат, но в них заключено однако ж весьма скверное, нехорошее».¹¹

¹⁰ Гоголь Н. В. Собрание сочинений, т. 5, Государственное издательство художественной литературы, М.: 1949, с. 191

¹¹ Там же, с. 192

Реакция чиновников на мертвые души занимает почти половину второй части, т.е. значительно большее место по сравнению с первой. Это объясняется рядом причин. У помещиков адаптация мертвых душ к привычной системе понятий осуществляется достаточно быстро и безболезненно, поскольку их благосостояние не зависит от вышестоящих лиц, а система понятий скудна и не предполагает широкой возможности выбора. Иное дело чиновники, они являются частью государственного бюрократического аппарата, поэтому их благополучие зависит от лиц вышестоящих. У них есть обязанности, которые они выполнять, но которыми склонны манкировать. Это обстоятельство, как и в «Ревизоре», предельно обостряет ситуацию, порождает гипертрофированное чувство страха («Все вдруг отыскали в себе такие грехи, каких даже не было»¹²). Выяснение истины – кто же такой Чичиков и что же такое мертвые души – становится для них жизненно важным.

Вначале поиск ответа на эти вопросы идет в привычном для чиновничьего сознания русле: «...такой ли это человек, которого надо задержать и схватить как неблагонамеренного, или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех как неблагонамеренных».¹³ Но сколько-нибудь вразумительного ответа не находится. На собрании у полицмейстера выдвигаются многочисленные версии, порою фантастические: «Делатель государственных ассигнаций, «чиновник генерал-губернаторской канцелярии», «переодетый разбойник», мифологический капитан Копейкин, которым, впрочем, Чичиков никак не может быть по причине наличия обеих конечностей, наконец, «не есть ли Чичиков переодетый Наполеон!», выпущенный англичанами с острова Елены, чтобы досадить России. Очевидно, что так же, как и помещики, чиновники включают ситуацию покупки Чичиковым мертвых душ в систему освоенных понятий и фактов. То, что никто из них даже

¹² Там же, с. 192

¹³ Там же, с. 197

близко не подошел к разгадке мертвых душ, говорит об их относительной негибкости, неспособности выйти за пределы известного круга явлений.

Третья часть (11 глава) посвящена формированию характера и судьбе Чичикова до приезда в губернский город, т.е. предыстория главного героя, дана в последней главе. Налицо нарушение хронологии. На протяжении всего повествования читатель теряет в догадках: кто же такой Чичиков, из каких глубин российской жизни выплыла эта загадочная личность. Для чего же понадобилась Гоголю гигантская фигура умолчания?

Проанализируем образ Чичикова по тем же трем параметрам (способы обогащения, образ жизни, адаптационные способности), по которым анализировались образы помещиков и чиновников.

Чичиков еще более отдален от источника производства. Для него деньги – это не реализованный товар и не самовольно взятая награда за маленькую хитрость, для него это некие могущественные знаки, циркулирующие из рук в руки и оседающие в карманах наиболее ловких людей. Чичиков хитроумен, изобретателен, изощрен на пути приобретательства. Масштабы его деятельности практически неограниченны, неудачи и удары судьбы не обескураживают его. Выбитый и колеи, он выплывает в другом месте, и нет конца его предприятиям. Именно новизна этого типа в жизни и литературе обусловила место предыстории Чичикова в структуре сюжета. Гоголь показывает, на какой почве, под влиянием каких обстоятельств в недрах патриархальной жизни, затем в чиновничьей среде формируется этот тип личности. С одной стороны, он генетически связан и с помещиками, и с чиновниками, с другой – представляет собой совершенно отличный от них феномен на редкость мобильной психики, не скованной стереотипами мышления и поведения.

Выводы

Композиция сюжета представляет собой трехчастную структуру с нарушенной хронологией повествования. В каждой части представлен определенный социально психологический тип: помещики, чиновники, Чичиков. Все три типа сосуществуют в данной исторической эпохе, но имеют разную историческую перспективу. Первый тип (помещики) наименее жизнеспособен в силу архаичности уклада жизни и способов обогащения, а также ограниченности мышления, замкнутого в узком кругу привычных понятий и представлений. Второй тип (чиновники), несмотря на традиционность способов обогащения и стереотипность мышления, более жизнеспособен. Сам уклад городской жизни предполагает возможность проникновения в чиновничью среду новых представлений, фактов, которые в определенный момент могут привести к частичной трансформации сознания и последующей адаптации к новым условиям. Третий тип (Чичиков) наиболее мобилен с поведенческой и психологической точки зрения, обладает самыми широкими возможностями выживания и развития в новых, непредвиденных обстоятельствах.

Композиционный прием генерализации.

Вторая часть статьи посвящена анализу одного из основных композиционных приемов, связанного с особенностями художественного мышления Гоголя. Ассоциативные связи у него носили не столько образный, порождающий стилистические фигуры, сколько обобщающий характер. Осуществлялся процесс генерализации – перехода от единичного к общему, восхождения от образа к типу,

от типа – к национальному характеру и связанной с ним судьбе страны, от национального характера – к общечеловеческому.

Гоголь умел не только наставить увеличительное стекло на объект внимания и рассмотреть его во всех подробностях, но и, отняв стекло и расширив мысленно обзор до невероятных пределов, увидеть этот объект в совокупности множества других, попавших в поле зрения. Умел увидеть связи, сопоставить, обобщить и в итоге открыть закономерность, выявить невидимое неискушенному взгляду внутреннее единство сущего.

Назовем этот прием генерализацией и рассмотрим его внутри сюжета поэмы и при переходах от повествования к отступлениям, значительная часть которых является именно результатом генерализации.

В первой части поэмы («помещичьи» главы) прием генерализации чаще всего реализуется в связке *образ – тип*. Создавая образы помещиков, Гоголь прибегает к детальной индивидуализации. Однако среди множества штрихов и оттенков, благодаря которым со страниц поэмы встает зримый, почти живописный образ, писатель улавливает некую доминанту, нечто чрезвычайно важное в характере героя, что позволяет ему за образом увидеть тип. У Манилова, например, – это отсутствие внутренней определенности, яркой отличительной черты, благодаря которой он мог бы вызвать к себе живое человеческое чувство: «Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то, ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан <...> У всякого есть свой задор <...> у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было»¹⁴.

Иногда Гоголь находит не одну, а несколько доминант, и тогда из одного образа вырастает сразу несколько типов. Такова Коробочка. Самая первая, ближайшая ассоциация – тип небогатой, бережливой помещицы: «... одна из тех матушек,

¹⁴ Гоголь Н. В. Собрание сочинений, т. 5, Государственное издательство художественной литературы, М.: 1949, с. 24

небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов»¹⁵. Ассоциации Гоголя не знают ни возрастных, ни географических ограничений, ни социальных ограничений, ни ограничений по признаку пола. Беспредельная тупость Коробочки выводит его на тип чиновника: «... иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь, сколько ни представляй ему доводов, ясных, как день, все отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены»¹⁶. Чрезвычайно узкий круг заученных Коробочкой представлений позволяет Гоголю увидеть ее в столичной светской даме, «зевающей за недочитанной книгой в ожидании остроумно-светского визита, где ей предстанет поле блеснуть умом и высказать вытверженные мысли...»¹⁷.

Аналогична ситуация с Ноздревым – один образ дает возможность для троекратного обобщения. Первый тип – «разбитной малый», «таких людей приходилось всякому встречать немало. <...> Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный»¹⁸. Второй тип мелкого пакостника, который может предстать как в облике «разбитного малого» Ноздрева, так и в облике солидного государственного мужа: «Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему иногда вовсе без всякой причины. Иной, например, даже человек в чинах, с благородною наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, <...> а потом смотришь, тут же, пред вашими глазами и нагадит вам»¹⁹. И, наконец, третий тип, заложенный в образе Ноздрева, – человек «неугомонной юркости и бойкости характера», склонный к непрерывной бессмысленной деятельности, в результатах которой он практически не заинтересован.

¹⁵ Там же, с. 44

¹⁶ Там же, с. 52

¹⁷ Там же, с. 58

¹⁸ Там же, с. 70

¹⁹ Там же, с. 71

«Ноздревы долго еще не выведется из мира, – утверждает Гоголь, упрекая в непроницательности людей, не умеющих за переменной облика увидеть устойчивые черты знакомого типа.

Даже второстепенный персонаж, ненадолго появившийся на страницах книги, может дать импульс к обобщению. Зять Ноздрева Мижув «был один из тех людей, в характере которых на первый взгляд есть какое-то упорство. Еще не успеешь открыть рта, как они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противоположно их образу мыслей, что никогда не назовут глупого умным и что в особенности не согласятся плясать по чужой дудке; а кончится всегда тем, <...> что они согласятся именно на то, что отвергали...»²⁰

Типологические черты находятся и в образе Собакевича. Это человек, привыкший властвовать и грабить, где бы он ни жил – в захолустье или в Петербурге, как бы ни был одет – в домотканый сюртук или по последней столичной моде – «кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь!»²¹

Органическая потребность гоголевского мышления в обобщении наиболее ярко, можно даже сказать парадоксально, проявляется через образ Плюшкина – явления, совершенно нехарактерного, по мнению Гоголя, «для Руси, где все любит скорее развернуться, нежели съежиться»²². Далее следует пространное отступление о типе помещика – прожигателя жизни. Таким образом, прием генерализации осуществляется здесь от противного: уникальному противопоставляется типичное.

Гоголевские типы – не единственный результат использования приема генерализации. Как уже говорилось выше, уровни и степени обобщения восходят к закономерностям общечеловеческого масштаба. Не имея возможности в рамках

²⁰ Там же, с. 69

²¹ Гоголь Н. В. Собрание сочинений, т. 5, Государственное издательство художественной литературы, М.: 1949, с. 106

²² Там же, с. 119

небольшой статьи детально проанализировать все обобщения, пронизывающие и скрепляющие текст произведения, ограничусь лишь их перечислением.

За типологией характера следует типология разного рода групп, либо реально существующих в обществе, либо вычленяемых мировосприятием Гоголя. Они, как правило, эмоционально окрашены, причем эмоционально-экспрессивные оттенки варьируются от юмористических до саркастических. К таким обобщениям можно отнести рассуждения о:

- толстых и тонких чиновниках (гл. I);
- аппетите господина средней руки (гл. IУ);
- ученых, выдающих за истину предположения, подкрепленные ложными доказательствами (гл. IХ);
- благотворительных обществах и кампаниях, конечные результаты деятельности которых равны нулю (гл. Х);
- типах писателей (гл. УП);
- о лжепатриотах (гл. ХI).

Следующий уровень обобщения – русский национальный характер, судьба России. Здесь от отдельных точных наблюдений, рассыпанных по всему тексту (о поведенческих метаморфозах русского человека (гл. Ш), о меткости русского языка (гл. У) Гоголь делает гигантский скачок к иррациональной вере в потенциальное величие нации («... предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими почестями, или чудная русская девица <...> вся из великодушного стремления и самоотвержения. И мертвыми покажутся пред ними все добродетельные люди других племен...»²³) и ее будущего: «Не так ли и ты, Русь, что

²³ Там же, с. 224

бойкая необгонимая тройка несешься? <...> и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства»²⁴.

Уже эта иррациональная вера заставляет Гоголя перешагнуть за пределы России. И еще дважды в поэме он обращается к мировой истории (гл.Х), к природе человеческого существа и его взаимоотношениям с высшим началом: «... есть страсти, которых избранье не от человека. Уже родились они с ним в минуту рожденья его в свет, и не дано ему сил отклониться от них. <...> Земное великое поприще суждено совершить им: все равно, в мрачном ли образе, или пронестись светлым явлением, возрадующим мир – одинаково вызваны они для неведомого человеком блага»²⁵. Здесь все, как, впрочем, и в неколебимой вере в превосходство русского духа, «неведомо» и зыбко.

Совершая скачок в высшие сферы, Гоголь удаляется от реальной почвы, от жизни действительной к жизни гипотетической. Обобщения наполняются либо патетикой, либо расплывчатыми, туманными умозаключениями, превращаются в фантомы гоголевского духа. Вполне возможно, что все это явилось одной из причин мучительности процесса работы над вторым томом и предания его огню.

²⁴ Там же, с. 249

²⁵ Там же, с. 244

Литература

- Виноградов В. В. *Гоголь и натуральная школа*. // Избранные труды: Поэтика русской литературы. –М.: Наука, 1976.
- Гоголь Н. В. *Собрание сочинений*. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949.
- Ивинский Д. П. *О композиции первого тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»* – <http://www.portal-slovo.ru/philology/37156.php?PRINT=Y>
- Кондакова Ю. В. *Гоголь и Булгаков: мистика творчества*. Известия Уральского государственного университета. № 24 (2002) Гуманитарные науки. Выпуск 5.
- Лотман Ю. М. *Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине»: к истории замысла и композиции «Мертвых душ»* // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 266-280.
- Манн Ю. В. *Поэтика Гоголя*. М.: Художественная литература, 1988.

